

В. СЕВСКИЙ <В. А. КРАСНУШКИН>

Тенор революции

А. Ф. Керенский. Первый тенор в музыкальной драме русской революции.

Ф. И. Шаляпин так не популярен теперь, как А. Ф. Керенский. Куда!

Ф. И. Шаляпин имел бас твердый, но ноги слабые. Колени гнулись перед царской ложей.

А. Ф. Керенский стоит перед публикой во весь рост и берет самые верхние ноты.

На сцене новой политической жизни много певцов, раздвинулись кулисы теперь.

Запел было П. Н. Милюков. Взял ре и сорвался.

— Ре...

Ждали республики, спето было, регентство.

Пришлось после извиняться и уверять, что был не в голосе.

От А. И. Гучкова¹ Москва давно слышала, — басом:

— И без варягов управлялись.

Раз в Думе А. И. Гучков отпрысков варягов назвал даже варягами. Но скоро охрип.

Тихо прошли дебюты министра-контральто М. И. Терещенко².

— Голос сахарный, а темперамента нет!

«Займом свободы» полного сбора не сделал.

Есть певцы, которые не имеют успеха в России, но очень нравятся за границей.

Решили попробовать, не из них ли М. И. Терещенко.

Перевели его с финансов на иностранные дела.

А. Ф. Керенский — не только тенор, но еще и хронический бенефициант.

Даже аристократические рецензенты из «Дома Романовых» (есть такой плохой листок в совершенном упадке тиража), — и те хвалят. Экс-грандюк Кирилл Владимирович³ поощрительно говорит:

— Молодой, но талантливый.

И — сейчас же, в сомнении, за поверкой — к жене:

— Виктория⁴, ведь так это я? а? Молодой, но талантливый? Не соврал?

А Виктория Федоровна — ему, с нетерпением:

— Да, да. Молодой, но талантливый. Хорошо, помпончик, не соврал.

Рукоплещет галерка:

— Курьеры Министерства юстиции преподносят Керенскому адрес.

Шумные овации на приставных стульях — аплодисменты из Финляндии. Что нисколько не помешало бенефицианту, на днях вместо любезного поклона в сторону аплодирующих, строго и выразительно погрозить им пальцем.

Все тянутся к тенору революции, а он поет лучшие армии:

— Амнистия.

— Отмена смертной казни.

* * *

Богиня Клио при прежних министрах — не к ночи будут помянуты все Щегловитовы, — водила пером по длинному свистку и в каждые десять лет сажала по кляксе на русский суд.

— Акимов⁵, Щегловитов, Добровольский⁶.

При А. Ф. Керенском богиня Клио спешно потребовалась ремингтонистка. Законы выстукивались на пишущей машинке.

И настукано их столько, что нынешнему министру юстиции, гражданину Переверзеву⁷, — одни слезы:

— Что я с этой уймой делать буду? Ведь это же все надо опубликовать?!

Что делали прежние министры юстиции?

— Состояли в незаконном сожительстве с Фемидой.

Забегали к ней на часок:

— Ах, ты, милочка! Скорая, правая, милостивая... У-у-у!

И исчезали, покидая милочку на произвол секретарей, приставов и курьеров.

В законном же браке состояли — с Полицией. Барыня была строгая и держала их под башмаком.

Что делал А. Ф. Керенский?

Работал. И еще работал. И опять работал. Да и как!

Когда он ложится спать?

— На другой день. Да и то в кабинете Министерства юстиции.
И во сне видит счастливую молодую Россию.

Ходит в куртке.

Были в моде тужурки Френча. Будут в моде тужурки Керенского.

Форма одежды, действительно, обыкновенная. Это потому, что И. Г. Щегловитов уехал из Таврического дворца в Петропавловскую крепость в солдатской шинели. Когда для Щегловитова форма одежды необыкновенная, Керенский ходит в обыкновенной тужурке.

Пожимает руку швейцарам и курьерам. В министерстве юстиции открыли Америку: курьеры, оказывается, люди.

К А. Ф. Керенскому идут все: солдаты, рабочие, министры, женщины.

— Баба? — К Керенскому.

Протопопов явился — к Керенскому.

Ксешинская⁸ — к Керенскому.

Спросите в табачной лавочке, чьи портреты теперь чаще спрашивают, ответят:

— Понятно, Керенского.

Около витрины фотографа стоит толпа.

— Тетка, становись в очередь, здесь на министров смотрят.

— Болезный, молодой-то какой. Никак студент?

— Это — Керенский.

И все тянутся к нему.

В чем секрет очарования?

Были у нас и раньше министры неблагонадежные. Но по овсу, по поставкам, по предательству. Политически неблагонадежный министр — первый.

Если бы не стал министром — был бы в Сибири. Протопопов и статью закона для него подыскал подходящую — для проходного свидетельства, во всяком случае.

А. Ф. Керенский в Москве. Падает в обморок от переутомления.

И раньше падали министры — пьяные до бесчувствия.

Но от переутомления — первый.

— Как живет и работает министр А. Ф. Керенский?

Об этом нам сейчас расскажет В. В. Князев. Но — увы! — без ментальных фотографий.

Пойди, застань А. Ф. Керенского. Он и в Министерстве, и в Государственной думе, и на митинге, и в Совете рабочих депутатов.

У Сухомлинова⁹ было время позировать. Между первым и вторым лиходателями — антракт:

— Позовите фотографа, — как живет и работает военный министр.

А. Ф. Керенскому некогда сниматься.

Министр-изменник позирует. Гражданин-министр работает.

Совет министров говорит: «а», Керенский уже произносит «бе».

А старый министр юстиции, юрисконсульт Столыпина¹⁰ А. А. Макаров¹¹, читая газеты в Петропавловской крепости, говорит тюремному надзирателю:

— Так не было, но так будет.

Член Временного правительства, уже во втором его министерстве,

А. Ф. Керенский покуда держится гастрольной системы.

Отпел свое в юстиции, теперь поет сразу в двух министерствах.

В военном — как тенор героический; в морском — как тенор лирический.

Вероятно, посетит и все остальные министерские театры. И даже попоет что-нибудь на глас осьмый в Святейшем Синоде.

Для блага России — пошли ему судьба ангажемент на долгие годы...

